

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-226-235>

Межбытие как универсальный источник преступности: размышления над новой доктриной профессора Х. Д. Аликперова

С. М. Марков

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева.
Адрес: Дальневосточный филиал
Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева,
г. Хабаровск, Восточное шоссе, д. 49.
E-mail: Ser_Mark@mail.ru

Interbeing as the Universal Source of Crime: Reflections on Professor Kh. D. Alikperov's New Doctrine

S. M. Markov

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Humanities and Social and Economic Disciplines
of Far East Branch of Lebedev Russian State University of Justice.
Address: Far East Branch of Lebedev Russian State University of Justice,
49 Vostochnoye Shosse, Khabarovsk, Far Eastern Federal District, 680014, Russian Federation.
E-mail: Ser_Mark@mail.ru

Поступила 01.05.2025 Принята к печати 10.05.2025

Аннотация

В рецензии анализируется фундаментальное исследование профессора Х. Д. Аликперова «Межбытие как источник генерации преступной мотивации», вышедшее в 2025 г. в петербургском издательстве «Юридический центр». Методологические основания монографии – междисциплинарный подход, синтезирующий положения философских, социологических, когнитивно-психологических, нейробиологических, криминологических теорий, а также метод восхождения от абстрактного к конкретному и законы и категории диалектической логики. Авторская концепция представляет собой философскую теорию (онтологию), гносеологию и аксиологию о причинах и детерминантах преступного и делинквентного поведения. В работе осуществляется комплексный анализ особенностей процесса возникновения и развития преступной мотивации под влиянием деструктивных идей (обсессия) или навязчивых действий (компульсия) либо их симбиоза внутри психики человека против его воли, вследствие генетически обусловленных агрессивных ментальных факторов. Систему, представленную в монографии и построенную на пересечении философии и криминологии, можно рассматривать как принципиально новое направление в криминологии, зарождающееся на стыке философии сознания и социологии уголовного права, юридической антропологии и криминологии, нейробиологии и психиатрии, а также клинической психологии.

Ключевые слова: ментальная сфера, межбытие, преступное поведение, делинквентное поведение, преступная мотивация, деструктивная идея, навязчивое действие, обсессия, компульсия, агрессивные ментальные факторы, не-алиби.

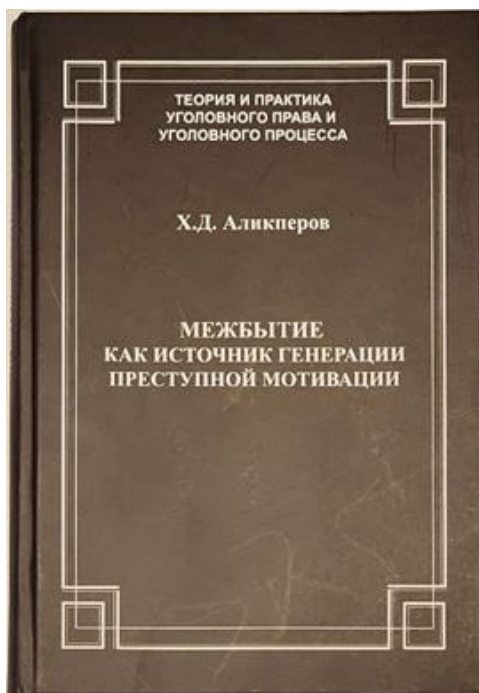
Abstract

The review analyzes the fundamental research of Professor H. D. Alikperov "Interbeing as a source of generation of criminal motivation", published in 2025 in the St. Petersburg publishing house "Law Center". The methodological foundations of the work are an interdisciplinary approach synthesizing the provisions of philosophical, sociological, cognitive-psychological, neurobiological, criminological theories, as well as a method of ascending from the abstract to the concrete and the laws and categories of dialectical logic. The author's concept is a philosophical theory (ontology), epistemology and axiology about the causes and determinants of criminal and delinquent behavior. The work provides a comprehensive analysis of the features of the process of the emergence and

development of criminal motivation under the influence of destructive ideas (obsession) or obsessive actions (compulsion) or their symbiosis inside the human psyche against his/her will, due to genetically determined aggressive mental factors. The system presented in the monograph and built at the intersection of philosophy and criminology can be considered as a fundamentally new direction in criminology, emerging from the philosophy of consciousness and sociology of criminal law, legal anthropology and criminology, neurobiology and psychiatry, as well as clinical psychology.

Keywords: mental sphere, interbeing, criminal behavior, delinquent behavior, criminal motivation, destructive idea, obsessive action, obsession, compulsion, aggressive mental factors, non-alibi.

Опубликованная Санкт-Петербургским изданием «Юридический центр» в конце марта 2025 г. фундаментальное исследование профессора Аликперова – это новая философско-правовая методология в российской криминологии, представляющая собой обобщение положений ранее опубликованных работ, прежде всего монографии «Новый взгляд на преступление и наказание» [1], созданной совместно с ведущим криминологом И. М. Рагимовым [10; 11].

Вначале хотелось бы отметить, что в своей новой монографии профессор Аликперов использует богатейший материал из смежных областей – как теоретический, так и эмпирический, а также, разумеется, авторские теории и практические разработки, в том числе из криминологического клуба профессора Д. А. Шестакова. В монографии мы встречаем известных и уважаемых ученых из Азербайджана, Беларуси, России (Д. А. Шестаков, Г. Н. Горшенков, Я. И. Гилинский, Ю. Е. Пудовочник, И. М. Рагимов, Д. В. Ушаков, Ж. Т. Тощенко, Т. В. Черниговская, И. Р. Мамедзаде, В. М. Хомич, В. А. Гиляровский и др.).

Междисциплинарный подход автора – это синтез философских, социологических, когнитивно-психологических, нейробиологических, криминологических теорий ментальной сферы человеческого бытия и межбытия [2. – С. 139–140] (здесь и далее в ссылках под номером [2] указаны страницы рецензируемого издания), а его дескриптивная аналитика основывается на сравнительном и системном анализе учений о преступности, разных кодексов мира, точек зрения.

Автор строго и последовательно соблюдает в своем изложении метод восхождения от абстрактного к конкретному. Во введении дано общее описание идеи межбытия, поступательное раскрытие которой осуществляется далее: от авторской трактовки понятия «преступление» (тезис) в главе I (§ 3), через универсальную причину преступности (глава II) или антитезис (§3), представляющий альтернативный взгляд на причины преступности, и, наконец, к конкретному (глава III) – межбытию как источнику преступности и делинквентного поведения. Заключение – это переход к практике, т. е. перспективам дальнейшего учения о преступности. В своем дескриптивном анализе профессор Аликперов всюду использует законы и категории диалектической логики, в основном в ноуменальной форме, как он пишет, по-аристотелевски – в мыслеформах и лексемах. Или, как сказано у Гераклита в контексте учения Аристотеля, «расходящееся (в монографии – С. М.) сходится, а из различных (тонов) образуется прекраснейшая гармония...» Учение Аристотеля применимо к универсальным причинам преступности, ибо все единое состоит из противоположностей, но в этом едином мы должны найти логос. В данном конкретном случае в этом состоит главный концепт автора.

Если кратко, то авторская концепция – это то, что философская теория (онтология), гносеология и аксиология говорят о причинах и детерминантах, ибо автор различает преступное и делинквентное поведение. Центральными концептами

выступают преступные деяния (в монографии – *посягательства*) и *межбытие* [2. – С. 110), соответственно – новый категориальный аппарат, им сопутствующий, вовлеченный в сферу когнитивного действия / бездействия, выражаясь философско-правовым языком. В целом хотелось бы похвалить, что рецензируемая монография по сути своей является философско-правовой работой в области уголовного права и криминологии, поскольку в ней затрагиваются онтологические, когнитивные, социологические и психологические проблемы преступности.

Предлагаемый критический анализ теории межбытия о причинах преступности был апробирован в Криминологическом клубе Д. А. Шестакова, на конвентах (конференциях) в Южном федеральном университете Ростова-на-Дону, с магистрантами и студентами Дальневосточного филиала Российского государственного университета им. В. М. Лебедева и на заседаниях Всероссийского клуба по философии права Российского государственного университета правосудия [8].

Сразу отмечу: концепция вызывает неоднозначные реакции, я бы сказал, спорные в среде как юристов, так и философов. Но так всегда происходит, если новая концепция создается на пересечении множества наук и практик. Главное, что она создает предпосылки для философско-правовых инноваций и дискуссий вокруг острейшей проблемы причин преступности.

Профессор Х. Д. Аликперов ставит перед собой и, как мне представляется, удачно решает сложнейшую дилемму, возникшую в криминологии – между учебниками по уголовному праву и действительностью, которая наблюдается в реальном мире [2. – С. 19]. Для ее разрешения он выбирает в качестве исходной точки новую дефиницию старого доктринального определения понятия «преступление» (ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации) и указывает, что оно содержит в себе концептуальные изъяны [2. – С. 19] в силу того, что его денотат «деяние» не раскрывает сущности дефиниендума («преступление»). Ибо «преступление может быть совершено не только через действие или бездействие, но и посредством публичного высказывания той или иной мысли <...>, то есть вербальной трансляцией <...> своего осознанного волевого мнения» [2. – С. 20].

В целом с данной позицией я соглашаюсь. Так, множество преступлений было совершено под воздействием той или иной идеологии, в том

числе криминальной, без всякого непосредственного участия в них главных акторов (субъектов). В качестве примеров можно привести совершенную в Лувре кражу картины «Мона Лиза» Леонардо да Винчи 21 августа 1911 г. или изуверскую порчу вандалом картины Рембрандта «Даная» в Эрмитаже 15 июня 1985 г. Но, пожалуй, самый яркий случай невербального воздействия на преступника – сожжение буддистским монахом Золотого храма в Киото 2 июня 1950 г., описанное в романе Юкио Мисимы. Эти примеры более ярко иллюстрируют авторский концепт obsessions и compulsions либо их симбиоза, т. е. так называемые деструктивные идеи и навязчивые действия (деяния).

Термин «преступление» в академической трактовке означает общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, совершенное виновно вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности.

Исторический экскурс с обращением к «Русской правде» свидетельствует, что в этом источнике преступление обозначается понятием «обида», т. е. означает причинение материального, физического или морального вреда. В «Судебнике» 1497 г. оно определяется как «лихое дело». Лишь в XX в. в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. вводится термин «деяние», возможно, под воздействием философских учений В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова о Софии и Логосе, М. М. Бахтина о так называемом не-алиби, а также кантовской «Критики практического разума».

Деяние – библейский термин. В Библии он трактуется как «дело делать» – дело божеское и человеческое, а также деяния через веру в Христа. Библейские деяния – значит следование за Христом и его нравственными проповедями, закрепленными впоследствии в разных кодексах. Деяния – это следование за Христом во славу Божью (Кор. 10:31) и во имя Иисуса Христа (Кор. 3:17). Противоправные деяния – антибожеские и нечеловеческие. Деяния бывают нормативными (законными) и нравственными. В церковном смысле деяния есть действие (деятельность), поступок как свершение блага или зла. В философском смысле деяние – это любая социально ориентированная разумная активность субъекта, вытекающая из его свободной воли. Об этом пишет И. Кант: «Воля во всех поступках сама для себя закон <...> Это есть <...> формула категорического императива и принцип нравственности» [7. – С. 105]. Иными словами, уголовное

право заимствует данные понятия из Библии, применяя язык формальной логики, и включает в них нравственное содержание.

Для М. М. Бахтина поступок (содеянное) – всегда сопричастный акт, проявляющийся в бытии в ситуациях не-алиби и исходящий из межбытия личного (индивидуального) существования. При этом перед актором стоит выбор позиции:

- 1) «я-для-себя»;
- 2) «я-для-другого».

«Мир, в котором ориентируется поступок на основе своей единственной причастности бытию – таков предмет нравственной философии» [3. – С. 49]. Из этой архитектоники создается какой-либо акт-деяние или противоправное деяние (добро или зло). Таким образом разрешается кантовский нравственный антиномизм. Но в любом случае поступок всегда является ответственным нравственным актом (в русской философии) или безответственным (например, из внутренней глубины потребностей). И тогда, исходя из позиции автора монографии, возникает возможность девиации. Или, как считает А. А. Гусейнов, философия поступка и наказаний должна рассматривать его изнутри межбытия (Х. Д. Аликперов): «Она должна, прежде всего, исходить из факта-совершения поступка, из поступка как нравственного акта, я-поступка...» [6. – С. 66]. В противном случае поступок-деяние в фундаментальном конфликте между жизнью и культурой окажется исключительно культурным феноменом без особой индивидуальности. Это значит, что мы антиномизм межбытия не разрешим ни онтологическим способом, ни аксиологическими ценностями или, как пишет А. А. Гусейнов, окажемся в положении короля Лира.

Через архитектонику поступка (деяния) в ситуации не-алиби имеет смысл далее, в перспективе, развивать учение о межбытии как об источнике преступности и девиантного поведения. Позволим себе заметить на полях монографии, что труд Х. Д. Аликперова как раз ведет нас в философию поступка не-алиби и наказаний потому, что он вытекает из глубин русской философии Ф. М. Достоевского, а от нее разворачивается к криминологии. В любом случае согласимся с комментариями А. А. Гусейнова: «я-для-себя» – центр измерения поступка (деяния) и любой его активности (физической и духовной) [6. – С. 68]. В этой связи возникает вопрос: имеет ли смысл удалять нравственные корни из юридических понятий «преступление», «наказание», «деяния» и др.?

Пожалуй, над этой проблемой следует задуматься в дальнейших исследованиях.

В главе I «Иной подход к понятию “преступление”» автор утверждает – как всегда, через чудесную аллегория, – что «если с господствующего в науке уголовного права понятия “преступление” стряхнуть пыль веков и освободить его от эфемерности, то в сухом остатке мы обнаружим огромное панно недостающих в нем фрагментов» [2. – С. 27]. Выражаясь словами логики и юридической техники, в нем недостает коннотаций данного референта (дефиниендума). Напрашивается заключение: сегодня ни одно определение преступления нельзя считать удовлетворительным.

Как считает профессор, исходя из диалектического подхода «огрехи вполне неизбежны» [2. – С. 32–33], потому что они связаны с бесконечным процессом познания истины. Следовательно, абсолютного (доктринального) знания о преступности, ее причинах достичь невозможно, считает Х. Д. Аликперов со ссылкой на «вещь-в-себе» И. Канта и П.-С. Лапласа [2. – С. 34].

Действительно, кантовская «вещь-в-себе», или буквально “Das Ding an sich”, относительно непознаваема, что было в свое время критически проанализировано русским философом В. С. Соловьевым. У самого классика этот ноумен («вещь-в-себе») имеет двоякую природу: а) вещь «для себя» и б) «вещь сама по себе». Первая часть ее – познаваема, в частности, через нравственный императив. Другой русский философ – П. А. Флоренский – тоже не согласился с кантовской антиномией, ибо Кант пропустил как диалектический метод мышления, так и истинные возможности самого познающего субъекта (человека).

В целом критика кантовской вещи-в-себе в русской философии весьма продуктивна и разнообразна. Цитирование же П.-С. Лапласа («то, что мы знаем, ничтожно по сравнению с тем, что не знаем»), на мой взгляд, афористично в данном контексте.

Однако то, что новые идеи (теории) требуют со временем пересмотра старых дефиниций, я, как старый логик-философ, принимаю. Но для этого требуется новая парадигма, предлагаемая автором в главе III, где излагается учение о межбытии как источнике преступных деяний, или «посягательств» [2. – С. 138–211].

С позиции философской рефлексии отметим, что доктринальные определения в математике, логике, религии, юриспруденции считаются аксиоматическими, что отнюдь не означает их вечной

безупречности. По сути дела, если в старой парадигме или, проще говоря, методологии в случае введения инноваций дефиниции не дают позитивного результата, то их надо менять либо корректировать, но для этого требуется изменение парадигмы (теории). Мы же сегодня просто на словах заменили материалистическую диалектику на герменевтику, объявив ее новой диалектикой, а диалектический метод, по сути, сохранили старый. Возникшую теоретическую коллизию надо разрешать новой философией в совокупности с другими когнитивными науками, что и предлагается в монографии [2. – С. 38–39].

Автор излагает новый метод через метафору пятиэтажного дома или как поэтапное воспроизведение сущности понятия «преступление» и далее аргументирует эту метафору логико-философским контекстом [2. – С. 40]. В итоге он сосредотачивает внимание на фундаментальных логико-семантических (в том числе эпистемологических) аспектах данной дефиниции. Как считает автор, новая теория «универсального определения преступления, свободного от пелены догматизма, позволит <...> максимально (опять-таки не окончательно – С. М.) приблизиться к раскрытию гносеологической природы (угадываются кантианские мотивы – С. М.) этого феномена и закономерностей его бытия...» [2. – С. 47]. В последнем пункте мне, как философу, угадывается онтология.

Основательный логико-лингвистический анализ родовых и видовых признаков понятия «преступление» позволил автору выработать свою дефиницию, в которой, кстати сказать, вводится существенный признак противоправности общественно опасного «посягательства», причиняющего вред или создающего угрозу причинения вреда или ущерба [2. – С. 69].

Также следует согласиться с авторским тезисом о том, что нормы уголовного законодательства (кодекса) должны быть безупречными с логической точки зрения (ясными, четкими и однозначными в понимании), «верно транслировать адресату их логико-семантическую сущность» [2. – С. 64]. Как наставлял Сенека в письме XCIV к Луцилию, «закон должен быть краток, чтобы невеждам легче было его усвоить» [13. – С. 225].

Как результат научного исследования, проведенного с разных позиций, профессор предлагает свое определение (гл. I, § 3 «Авторская трактовка понятия “преступление”»): «Преступлением признается виновно совершенное вменяемым ли-

цом противоправно опасное посягательство, причиняющее или создающее реальную угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым настоящим Кодексом интересам личности, общества или государства» [2. – С. 66].

Как считает автор, в нем отражены все объективные и субъективные признаки состава преступления. В дефиниции философско-религиозный термин «деяние» заменен на юридическую лексему «посягательство», поскольку последняя имеет однозначную негативную коннотацию и экспрессивно-неприемлемый оттенок [2. – С. 67], а также потому, что она «охватывает все мыслимые варианты (модели) вербального и невербального преступного поведения» [2. – С. 68].

В любом случае дело (деяние) сделано, и позитив от данного нововведения есть! Дефиниция предлагает совершенно новые технологии определения состава преступления в уголовном праве и процессе, а также его философскую рефлексию, обязывает по-новому интерпретировать практически все достижения в криминологии, иначе отразить в теории стадии преступления: от приготовления (идеи) до оконченого преступления. Как мне представляется, наставления стоика Сенеки прокуратору Луцилию абсолютно соблюдены.

В этом месте монографического исследования наступает новая фаза, ибо для автора, исходя из его предшествующих трудов и публичных выступлений, главное, как указывалось в начале рецензии, – продемонстрировать оригинальность бинарной теории преступности. В этой связи, следуя гегелевской логике изложения мыслей, автор начинает переход к изложению стадий преступления, с его исходной точки становления, но пока не развития. И вот этот ноумен, как справедливо считает автор, еще не был предметом исследования в теории уголовного права и криминологии [2. – С. 70]. В монографии он именуется «когнитивной субстанцией», или ментальным ядром, любого преступного деяния (посягательства), а его источником объявляются неудовлетворенные (все) потребности человека. Именно они выступают, по мнению профессора, универсальными источниками преступности, находящимися в субстанции межбытия (или, для сравнения с терминологией М. М. Бахтина, бытия в ситуации не-алиби).

Другую злободневную проблему, освещаемую в монографии, можно представить в виде вопроса: являются ли источники преступлений исклю-

чительно социальными? Как считает автор, «причины преступлений не от мира сего»: «На самом деле преступления, как проявление крайней формы зла, детерминированы не только социальными факторами. В ряде случаев оно выступает и как генетически обусловленная закономерность» [2. – С. 21]. У автора свой оригинальный подход: он считает, что в природе человека (человечества) есть так называемый ген агрессивности, изначально заключенный в геномах людей. Впрочем, Х. Д. Аликперов делает уступку: этот негативный ген еще должен активироваться в благоприятной для себя среде обитания. Автор ставит под сомнение абсолютный авторитет академической теории о социальных причинах преступлений.

Как считает профессор, «они гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности <...> Это не что иное, как генетически обусловленный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в генотипе *Homo sapiens* в алертном состоянии (т. е. максимально готовом к деянию – С. М.), который активируется при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного, социального или антропологического свойства либо с их бесконечной комбинаторностью» [2. – С. 22, 135–136].

Другими словами, причины преступности Х. Д. Аликперов объясняет в большей степени биологической природой человека, в некотором смысле генетической предрасположенностью конкретного индивида к совершению противоправного поступка. Как считает профессор, «корень детерминанта преступности носит бинарный характер и состоит из двух нелинейных компонентов: генетических и внешних факторов...» [2. – С. 135]. В данном случае, с точки зрения философии, бинарная причинность определяется через словарь по дисциплине «Философия права», предпочтение же отдается биологическим факторам [5. – С. 245–246]. В этой связи в монографии коррелируется связь с наставлениями римского философа Сенеки из его письма XCIV к Луцилию: «Есть две причины наших преступлений: или в душе живет злонравие, укрепляемое превратными мнениями, или <...> она склонна к ним и легко развращается, прельщаемая какой-нибудь неподобающей видимостью» [13. – С. 221].

При этом не совсем понятно, какую именно потребность профессор имеет в виду: физическую или духовную? Потребность в безопасно-

сти, признании и любви, в самоутверждении? Какие именно нереализованные человеческие потребности при условии их наложения на внешние криминогенные условия толкают человека на совершение преступления? Как мне читается, в монографии, если выразаться словами из послания римского стоика, дуализм обнаруживается внутри межбытия как а) нравственное злонравие и б) природная развратность. По моему мнению, позиция Х. Д. Аликперова по данным вопросам требует дальнейших исследований и уточнений. Тем не менее диспут о причинах преступности и делинквентного поведения является важной темой для обсуждения.

Согласен с профессором, что в дискуссии необходимо учитывать разнообразие факторов, влияющих на это явление, и разрабатывать комплексные подходы к проблеме, включающие в себя как социальные, так и индивидуальные аспекты. Поэтому поиск того самого гена преступности также оправдан.

В главе II «Универсальные причины преступности» автор, используя платоновский метод, изложенный философом в труде «Апология Сократа», справедливо отмечает, что как в профессии врача, так и в криминологии сначала необходимо поставить точный диагноз болезни, т. е. криминологу требуется диагностировать бинарную болезнь детерминантов преступности, ответить на ряд вопросов. Все ли формы и виды преступности являются продуктом «социального конструкта»? Отражает ли глубинные пласты причин преступности господствующая в криминологии парадигма? Может быть, свобода воли не более чем фикция, а воля есть продукт подсознания, в силу чего сознание лишь его неспешный ретранслятор? [2. – С. 76–77]

Вспоминается, что эти тезисы-вопросы и возможные варианты их диагностики мы разбирали в Международном криминологическом клубе профессора Д. А. Шестакова 5 марта 2022 г. и на последующих конференциях [8]. Диагноз – вопрос дискуссионный, но иначе и быть не может, если в науку вводятся новые концепты и теории. Со всей ясностью можно утверждать, что и по сей день многие глубинные причины преступности в современной криминологии вызывают различные трактовки и дискуссии.

Что меня лично радует, автор от них не увиливает, а, наоборот, как истинный ученый, заостряет проблемные варианты их решений: «Делинквентное поведение человека (в том числе и пре-

ступное) так же, как и генетические заболевания, является имманентным (вытекающим из потребностей – С. М.) свойством его бытия, которое изначально заложено в ДНК-матрицу всех без исключения людей» [2. – С. 88], как и нереализованные потребности [2. С. 131–133], находящиеся в глубине патогенеза преступности [2. – С. 140].

Безусловно, неудовлетворенные потребности человека, а также склонность к агрессии, насилию – важное звено механизма индивидуального преступного поведения, однако признать нереализованную потребность универсальной причиной совершения преступлений сложно, поскольку понятие такой потребности представляется слишком абстрактным, по крайней мере, в позиции Х. Д. Аликперова. Все же генезис преступного поведения носит более многоаспектный характер, который невозможно свести лишь к геному агрессивной потребности даже в комбинаторном виде через взаимодействие с другими факторами. Как наставлял Луцилия стоик Сенека в письме XCIV, «я говорю тебе обо всех пороках: их надо устранять, а не поучать тому, что при них невозможно» [13. – С. 220]. Всегда действует не одна, а комплекс причин преступления в конкретных условиях.

Различные диспуты о причинах преступности и делинквентного поведения всегда будут актуальны как для сухих законников и работников правоохранительных органов, так и для социологов и философов, так как в центре данной проблемы стоят такие понятия, как личность, культурная среда, социальные факторы, генетика и судебная медицина. Ген свидетельствует только о том, что у человека могут быть психические отклонения – агрессивность, излишняя эмоциональность и пр.

Итак, ретроспективно проанализировав разные философские и правовые *locus standi* (от Сократа до Бентама, Ф. М. Достоевского, Ж. Т. Тощенко, Я. И. Гилинского, Г. Н. Горшенкова, И. М. Рагимова, Д. А. Шестакова, Т. В. Черниговской) на бинарную природу человека, автор резюмирует со ссылкой на теорию толпы Габриэля Тарда, что современный человек – это деструктивный букет всяких потребностей, а «люди рождаются порочными» [2. – С. 81].

Как мне представляется, теория Х. Д. Аликперова в этом пункте находит свое подтверждение в учении Пьера Бурдьё о материальной и субъективной субстанции человеческого существования. Да, действительно в этой микросубстанции

(у Х. Аликперова – межбытие) различия между объектом и субъектом для исследователя стираются. Поэтому ядро (ген) поведения превращается в так называемый симулякр (у Х. Аликперова – алертная субстанция). Но он (ген) на самом деле в этой субстанции есть и реализуется в алгоритме преступного поведения [2. – С. 103–104].

Все сегодня пытаются с помощью гена 5-HTTLPR выйти на тот самый «ген преступности» и его вскрыть! Отклонения и даже сам «ген» могут поспособствовать антисоциальному поведению, но не породить именно преступность. По моему мнению, преступление – наивысшая категория, вероятность совершения которой определенным человеком очень трудно предсказать. Будет ли являться совершенный проступок предпосылкой совершения преступления? Не всегда. Так и с теорией происхождения преступности от гена человека. *Alio intuiti* наличие гена может породить проступок либо аморальное поведение, но не является гарантом совершения преступления.

Ссылаясь на известного криминолога Д. А. Шестакова, автор резюмирует: «Науку о преступности необходимо приблизить к миропониманию в целом, а само видение данной глобальной проблемы надо увязать с общими закономерностями бытия, так как причины преступности включены в само существо мироустройства, в его сердцевину» [2. – С. 84].

Итак, у всех есть внутренний ген преступности, но его реализация зависит от той социальной среды, в которой воспитывается, обитает и осуществляет свое «я» его носитель (не-алиби, по М.М. Бахтину) независимо от национальности и вероисповедания, материального и семейного положения, образования и занимаемой должности и т. д. [2. – С. 101–102].

В этой связи профессор предлагает свою оригинальную бинарную теорию преступности, основанную на авторской концепции межбытия – «инвариантной эндогенной субстанции (параллельная когнитивная реальность), ментальная ось которой привязана к физическим и духовным уровням жизни человека» [2. – С. 23–24] в когнитивной структуре личности. Межбытие, по мнению автора, является самостоятельным компонентом структуры личности, активно взаимодействующим с его волей и сознанием. Межбытие – это ноумен человеческого бытия.

Во-первых, в § 1 главы III доказательно обосновывается вывод о том, что деструктивное, или

обсессивно-компульсивное, ментальное состояние не исключает вменяемости. Во-вторых, оно является детерминантом зарождения у индивидуума девиантных форм поведения, которые в условиях межбытия, т. е. *нематериальной лабильной субстанции* (курсив мой – С. М.), находящейся между психикой и духовным уровнями жизни человека, трансформируются в конкретное преступное деяние [2. – С. 144]. В-третьих, именно в этой сфере происходит зарождение причин и патогенеза преступности, истоков индивидуального преступного поведения и темпоральных аспектов наказания. В-четвертых, *обсессивно-компульсивное ментальное состояние* психики автор считает продуктом межбытия, которое навязывает человеку подобное состояние в императивной форме. В-пятых, показано, как из межбытия преступные потребности, находящиеся в алертном состоянии (так называемые симулякры), превращаются в деструктивные идеи и девиантные акты поведения. В-шестых, на уровне философской рефлексии предлагается инновационный анализ вводимого в научный оборот понятийного аппарата.

Поскольку автор считает, что его теории преступности требуется философская методология, хотелось бы привести размышления М. М. Бахтина о двуликом Янусе человеческого бытия, ссылки на которые однозначно усилят аргументацию и значимость новой концепции межбытия. «Акт нашей деятельности, – рассуждает М. М. Бахтин, – нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и неповторимую единственность переживаемой жизни (не-алиби в бытии – С. М.) <...> Я емь действительный, незаменимый и потому должен осуществить свою единственность <...> Это не есть просто утверждение самого себя: Я участвую в бытии как единственный его деятель» [4. – С. 46]. Как мне представляется, теория двух Янусов, с другой стороны, объясняет авторский тезис о переходе обсессии в конкретные навязчивые действия (компульсии).

С практической точки зрения авторские разработки окажут существенное воздействие на профилактику преступности, ее диагностику, доказательства виновности/невиновности, оптимизируют систему наказаний преступных деяний (посягательств).

Автор выделяет три области лабильной ментальности: идеаторная, или обсессия (мысленная сфера), двигательная (компульсия), эмоцио-

нальная (фобии). Ссылаясь на таких известных криминологов, как Д. А. Шестаков и И. М. Рагинов, автор предлагает свою матрицу обсессии: позитивная (инсайт, креативное решение, вещей сон); нейтральная (троллинг памяти); девиантная (социально неодобряемые мысли и поступки); делинквентная (преступные замыслы и действия) [2. – С. 150]. В качестве примера приведем сексуальные обсессии (навязчивые идеи) Чикатило или влюбленность Маргариты в романе М. Булгакова.

Латентное деструктивное межбытие, или обсессия, или мутаген, которое в монографии покантовски называется ноуменом, является нововведением и центральным понятием, через которое автор, используя междисциплинарный подход, выстраивают свою оригинальную теорию детерминантов преступности. «Межбытие – инвариантная нематериальная субстанция волатильного характера» [2. – С. 160].

Как отмечает профессор Х. Д. Аликперов, в результате сцепления внешних или внутренних факторов деструктивное межбытие перемещается из подсознания в практическую плоскость (оперативное сознание), а через него в конкретный девиантный поступок. Особенность этого состояния человека заключается в том, что он на миг переносится за пределы материального мира, а скорее всего и духовного. Если я правильно понимаю, обсессия (мысленная сфера) – это идея, пробуждающая у человека стремление к совершению деструктивного действия, в том числе криминального характера [2. – С. 152]. Автор признает двухфазовый позитивный и девиантный ее характер [2. – С. 156]. В монографии особо отмечается, что «эта субстанция беспрекословно подчиняет своему влиянию либо ставит в жесткое зависимое положение только людей со слабо развитой силой воли либо неустойчивой психикой или крайне впечатлительных, легко поддающихся внушению» [2. – С. 161].

В фокусе внимания криминолога Х. Д. Аликперова – агрессивные желания, влечения, поступки криминального характера, формирующиеся в ментальной фазе обсессии. При этом автор оговаривается, что достигнутый уровень знаний в рассматриваемой сфере не позволяет сегодня в полной мере познать как глубинные пласты этиологии обсессивного и компульсивного состояний, так и все грани патогенеза межбытия. Тем не менее как пример агрессивной обсессии приводится факт обнаруженного Т. В. Черниговской «дефолта мозга», или стрессорно-фантомного

состояния психики (перевернутая реальность), взаимосвязанного с явлениями, обозначаемыми терминами «воля» (А. Шопенгауэр), «Эго» (З. Фрейд), «коллективное бессознательное» (Э. Фромм и Г. Тард).

Следует отметить, что с философской точки зрения автор вводит (§ 2 «Понятие и сущность межбытия») в свое оригинальное исследование новый концепт – «межбытие», в котором сочетаются как физическое, так и духовное начала. Надо согласиться с автором, что obsессия является как раз свойством человеческого бытия, где материальное и духовное переплетаются в конкретном времени и пространстве, именуемом социальным бытием. В монографии это – эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние) факторы, при этом главное внимание уделяется первым, или нематериальной волатильной субстанции. Как считает автор, obsессия появляется в результате нереализованных в свое время желаний и мечтаний, сейчас и здесь загнанных в сферу подсознания по тем или иным причинам.

Итак, как считает автор, навязчивые идеи/действия есть прежде всего результат императивных импульсов, исходящих из межбытия, которые навязывают всевозможные крамольные идеи (мысли, действия) посредством obsессии и компульсии. Далее, как утверждает автор, после выработки межбытием назойливой идеи о совершении того или иного конкретного деяния криминального характера и ее ретрансляции в ментальную структуру индивид начинает сначала мысленно создавать сценарий будущего преступления (*концептуализация проблемы*). Затем он разрабатывает развернутый алгоритм реализации задуманного в сознании, после чего планирует злодеяние. Далее человек, находясь в плену навязчивых идей, просчитывает возможные риски воплощения их в жизнь, предусматривает варианты своего посткриминального поведения и т. д.

Таким образом, можно сделать читательское заключение, что в авторской позиции obsессивно-компульсивное состояние как волевое (сознательное) начало межбытия не отрицается, а, наоборот, диалектически учитывается в теории межбытия. Данное положение автор подтверждает путем аналитического разбора ситуации массового убийства, совершенного 22 декабря 2023 г. студентом Давидом Козаком на философском факультете Карлова университета Праги, в результате которого он убил из огнестрельного

оружия 14 студентов, 27 ранил, после чего покончил жизнь самоубийством [2. – С. 167]. Как считает автор, этот пример говорит о том, что, оказавшись в спровоцированном межбытием obsессивно-компульсивном состоянии, сознание человека дает системный сбой, т. е. у человека искажаются мировоззренческие ценности и воля, в результате сковываются внутреннее сопротивление и рациональный контроль (вменяемость), и в конечном итоге возникает неадекватное восприятие действительности.

Что касается триггеров, то в социуме любые материальные объекты могут стать потенциальными источниками, пробуждающими межбытие и производные от него obsессии и компульсии, которые провоцируют у индивидуума возникновение деструктивных идей (мыслей).

В любом случае «стремление человека к совершению делинквентного поступка во время его нахождения в плену obsессивно-компульсивного синдрома, навязанного ему межбытием, является потенциальным свойством его природы, изначально заложенным в ДНК-матрицу всех без исключения индивидов (курсив мой – С. М.)» [2. – С. 176].

«При этом следует особо подчеркнуть, – считает автор, – что в механизме индивидуального преступного поведения, совершенного в obsессивно-компульсивном состоянии, само общество и процессы, происходящие в нем, носят вспомогательный характер и выступают лишь его волатильными стимуляторами (поводом, условием, предлогом и т. д.), так как причины таких, как, впрочем, и других умышленных преступлений не от мира сего» [1; 9; 10; 12]. Они, как было указано выше, «гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности, а совершаемое им преступление, в том числе под влиянием девиантных навязчивых идей, – это не что иное, как генетически обусловленный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в генотипе *Homo sapiens* в alertном состоянии (курсив мой – С. М.), который, как было отмечено выше, активизируется при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного или социального свойства, воспользовавшись которыми, он удовлетворяет свои потребности, которые не смог или не захотел реализовать в рамках закона» [2. – С. 176].

Заключение

Монографическое исследование доктора юридических наук, профессора Х. Д. Аликперова, работающего на пересечении философии и кри-

минологии, можно обоснованно рассматривать как принципиально новое направление в криминологии, зарождающееся на стыке философии сознания и социологии уголовного права, юридической антропологии и криминологии, нейробиологии, психиатрии и клинической психологии.

В монографии осуществлен комплексный анализ особенностей процесса возникновения и развития преступной мотивации под влиянием деструктивных идей (*обсессия*) или навязчивых действий (*компульсия*) либо их симбиоза, находящихся внутри психики человека против его воли, вследствие генетически обусловленных у *Homo sapiens* агрессивных ментальных факторов.

Несмотря на то, что перечень нерешенных проблем, вызванных рассматриваемой доктриной, более чем достаточный и ответы на них весьма сложно найти без дальнейших междисциплинарных исследований, серьезных клинических наблюдений и экспериментов, считаю, что на данном этапе исследование вполне закончено, узловые проблемы для «самоконтроля» обозначены, а новые вопросы о связи межбытия и человеческого поведения сформулированы.

В заключение отметим, что главная идея и концепты монографии – всего лишь гипотезы, которые не могут быть распространены на все человечество в целом.

Автор не возводит свою теорию, как он сам неоднократно пишет (например, [2. – С. 104–105]), в догмат в религиозном смысле и не относит реализацию (алгоритм) симулякра агрессивности ко всем добропорядочным людям, обладающим нравственной сущностью и совестью. Но опасность его возрождения максимально вероятна, ибо человечество в настоящее время находится в преддверии мировой катастрофы (апокалипсиса) в стадии делинквентного развития общества [2. – С. 113].

Новая альтернативная теория универсальных причин преступности и делинквентного поведения, свободная от догматических учений, несомненно, окажет позитивное действие на изучение базовых причин преступности, а также откроет возможности их отображения в совершенно других ракурсах современной криминологии.

Список литературы

1. Аликперов Х. Д. Новый взгляд на преступление и наказание. – СПб. : Юридический центр, 2022.
2. Аликперов Х. Д. Межбытие как источник генерации преступной мотивации. – СПб. : Юридический центр, 2025.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 1997–2012. – Т. 1. – С. 7 – 68.
4. Бахтин М. М. Человек в мире слова. – М. : Изд-во Российского открытого университета, 1995.
5. Бачинин В. А., Сальников В. П. Философия права: Краткий словарь. – СПб. : Лань, 2000.
6. Гусейнов А. А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина) // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 65–74.
7. Кант И. Критика практического разума. – СПб. : Наука, 1995.
8. Марков С. М. Диспут о причинах преступности и делинквентного поведения: критический анализ тезисов профессора Ханлара Аликперова // Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз : XII Южно-российский политологический конвент / отв. ред. Р. А. Пупыкин, А. В. Тупаев, К. П. Пилюгина. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2022. – С. 72–77.
9. Рагимов И. М. Преступление и наказание в мировых религиях. – СПб. : Юридический центр, 2023.
10. Рагимов И. М., Аликперов Х. Д. Истоки зарождения и формирования преступной мотивации (социологические, психологические и криминологические аспекты) // Экономика. Право. Общество. – 2023. – № Т. 8. – № 2 (34). – С. 9–20.
11. Рагимов И. М., Аликперов Х. Д. Философско-правовая проблема современной уголовной политики // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 1 (41). – С. 51–59.
12. Рагимов И. М., Савенков А. Н., Аликперов Х. Д. Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему // Государство и право. – 2023. – № 9. – С. 112–125.
13. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. – М. : Наука, 1977.